

СТАНОВЛЕНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РОССИИ: ИЗ СОЦИУМА КЛИК К ПРАКТИКАМ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ

С.В. ПАТРУШЕВ

Гражданская, государственная или национальная идентичность: надо ли различать?

Понятие «идентичность» входит в круг наиболее широко используемых и одновременно неопределенных категорий в социальных и гуманитарных науках. «Дискурс идентичности представляет собой достаточно амбивалентную, социально укорененную структуру, язык которой неоднозначен, мифологизирован и идеологизирован, что делает предельно сложной его адекватную интерпретацию», — констатирует философ Г.Я. Миненков¹. Психолог Л.Б. Шнейдер утверждает, что «идентичность есть психический компонент самосознания, формирующийся и существующий в мире человека»², свойство психики человека в концентрированном виде выражать для него то, как он представляет себе свою принадлежность к различным социальным, национальным, профессиональным, языковым, политическим, религиозным, расовым и другим группам или иным общностям; отождествление себя с тем или иным человеком как воплощением присущих этим группам или общностям свойств. Социолог В.А. Ядов столь же определенно полагает, что «социальная идентичность есть осознание, ощущение, переживание своей принадлежности к различным социальным общностям — таким как малая группа, класс, семья, территориальная общность, этнонациональная группа, народ, общественное движение, государство, человечество в целом». Перемещение из одного предметного поля в другое существенно меняет содержание идентичности. Такая «протейность», по выражению Ю.С. Степанова, в существе явления открывает широкий простор для разного рода спекуляций и манипуляций понятиями³.

В случае гражданской идентичности дискуссия идет вокруг дифференциации понятий «гражданская», «государственная» и «национальная идентичность». Одни исследователи, например, Л.М. Дробижева, склонны их различать, указывая на наполненность гражданской идентичности смыслом определенных прав и обязанностей человека⁴. Другие специалисты, напротив, полагают, что «противопоставление гражданской и государственной идентичностей излишне... [оно] дифференцирует психологически пока еще близкие реальности»⁵. На наш взгляд, недостаточная дифференциация государства и гражданского общества в России, прежде всего, в силу неразвитости последнего, вряд ли может быть основанием для отказа от различения явлений

и разведения соответствующих понятий. Поэтому первый подход представляется нам более обоснованным.

Современные политологические представления о гражданской идентичности исходят из концепции правового государства и гражданского общества, предполагающей, что индивид связан с государством посредством закрепления правового статуса гражданина и вытекающих из такого статуса свобод, прав и обязанностей⁶. Поэтому основанием гражданской идентичности является потенциальная возможность и уверенность граждан в способности оказывать влияние на принятие политических решений, что предполагает поддержку общественно значимых целей и различные формы политического и неполитического участия. Социальное и институциональное доверие также является условием и следствием формирования сообщества граждан.

Обратим внимание на сходство этих предпосылок, оснований, условий становления гражданской идентичности и современных требований политической легитимности, которая предполагает на макроуровне: 1) подотчетность: широкое и эффективное участие граждан в политических процессах; 2) эффективность: решение исполнительной властью общественно значимых задач без потери времени и ресурсов; 3) процедурную справедливость: регулярность и предсказуемость решения проблем при условии открытого доступа к центрам принятия решений; 4) справедливое распределение: равное распределение благ или оправданность ссылки на равенство в долгой перспективе. А на микроуровне: 1) политический интерес и вовлеченность; 2) вера в межперсональные и социальные отношения, значимые для коллективного действия; 3) оптимизм по поводу открытости политической системы⁷.

Россия и другие: гражданин, гражданство, гражданское общество и гражданская идентичность

Перечисленные условия и требования в России все еще далеки от реализации. Гражданская идентичность опирается на чувство общности с гражданской нацией, в том числе в оценках значимости конституирующих политическую нацию либо представляющих поворотные точки ее истории, событий⁸.

Рождение политической нации, как политического сообщества, консолидированного в рамках конституционного государства, связано с идеями демократии, суверенитета самоуправляющегося народа, гражданина⁹. Самоуправляемость общности основывается на свободе и достоинстве личности, которые воплощаются в политических институтах. Это — тип государства с либеральной демократией, где государство, как утверждал А. Линкольн, — это «правление народа волей народа и для народа» (впрочем, так записано и в Конституции

России). Государственная идентичность в этом случае практически совпадает с гражданской. Отечественные ученые в сравнительном исследовании «Россия — Канада» (2004) обнаружили, что канадцы в большей степени, чем россияне (74% против 54%), склонны определять социальную реальность, используя гражданские категории. Они предположили, что условия исторического развития канадского общества были более благоприятными для осознания гражданской идентичности¹⁰. Данные по России исследователи объяснили также тем, что наше государство еще находится на стадии своего формирования и постижения собственной культуры. Между тем, если говорить о государственной идентичности, то в 2002 г. даже в далекой республике Саха (Якутия) 80% населения идентифицировали себя как россияне¹¹. Наши авторы определили российскую модель идентичности как эмоционально-оценочную, подчеркнув свойственные россиянам идеализм, духовность, ценность человеческой личности и чувств, а канадскую — как рационально-правовую с ее западным рационализмом, социальной зрелостью и прагматизмом¹².

Многие отечественные специалисты по-прежнему полагают, что России для интеграции «всего общества» необходим «достойный общегражданский проект»¹³, что нередко определяется как потребность в национальной идее или в общегосударственной идеологии. Задача общественной интеграции, действительно, как мы увидим далее, актуальна для российского социума. Проблема заключается как в характере этой интеграции, так и в способе ее достижения.

Размышляя об особенностях гражданской идентичности в контексте мультикультурной природы большинства современных обществ, российский философ М.Б. Хомяков пришел к выводу, что, в отличие от национальной, государственной и, тем более, этнической идентичности, гражданская идентичность не подразумевает исторической общности, единой культуры, одной ценностной ориентации или мифической «национальной территории»¹⁴.

Современное, по выражению Хомякова, «тонкое» понимание гражданства было предложено канадским политическим философом Даниэлем Уэйнстоком¹⁵. По его мнению, гражданство включает несколько основных элементов.

1. Статус гражданина, который отличается от статуса негражданина, но при этом процедурен и общедоступен. 2. Главное в гражданском статусе — права, которые служат защите основных свобод граждан, хотя статус обуславливает также и обязанности. 3. Самоуправление, автономия: гражданин свободен в управлении собой и осуществляет такую автономию на практике. Быть гражданином — совсем не то же самое, что быть подданным, т.е. управляемым. Поэтому идея гражданства неразрывна с идеей демократии, гражданская идентичность способна формироваться лишь в свободном демократическом обще-

стве. Гражданство подразумевает принципиальную возможность для любого человека (или любой группы) участвовать в определении своей собственной судьбы, чего совсем нет в концепции подданства или в идее неограниченного манипулирования населением. 4. Ряд институтов, посредством которых люди как граждане осуществляют свое самоуправление и реализуют свои права, а также доступные каналы выражения гражданских позиций по тому или иному поводу и способы влияния на принятие решений. Институты не конституируют гражданство, а содействуют более эффективному его выражению. 5. Идентичность, т.е. целый ряд психологических (но вовсе не обязательно ценностных) характеристик, которые определяют отношение граждан друг к другу и формируют основу специфических гражданских добродетелей. А именно: «Быть гражданином означает по крайней мере до некоторой степени идентифицировать себя с политическим обществом, к которому человек принадлежит, и быть расположенным к действию по отношению к своим согражданам так, чтобы содействовать стабильности и единству этого общества»¹⁶. Гражданская идентичность подразумевает своего рода гражданскую дружбу, в основе которой лежит доверие как моральное условие стабильности гражданского состояния и наличие основных гражданских добродетелей. Доверие это, однако, не является какой-то жестко определенной ценностью, поскольку может у разных групп базироваться на совершенно разных основаниях. В конечном итоге, в идее гражданства важен вопрос о том, почему разные люди и группы живут вместе, даже если у них нет ни общей культуры, ни общего языка, ни общих ценностей. Для одних групп ответ на такой вопрос может быть чисто прагматическим: потому что членство в данном обществе (т.е. именно гражданство) позволяет им более эффективно реализовывать свою идентичность и свое самоуправление. Для других он может быть продиктован их национальной принадлежностью или общей историей. Концепция гражданства, поэтому, должна быть достаточно широкой, чтобы иметь возможность включить в себя все подобные ответы и тем самым сформировать особый климат доверия граждан друг к другу.

Сходный с только что изложенным подход был использован нами в исследовании феномена гражданской активности¹⁷. Мы рассматривали феномен гражданского общества как современный тип социальной интеграции на основе солидарности независимых личностей, связанных коллективными обязательствами с другими индивидами, как особое пространство бытования гражданских добродетелей — доверия, уважения к другому индивиду, равенства, справедливости, лежащих в основе норм социальных взаимодействий, т.е. гражданских практик, в которых реализуется обеспеченная правовой санкцией государства публичная роль гражданина — гражданская активность.

В обществе модерна граждане имеют один и тот же формально-правовой статус, содержанием которого являются права, свободы и обязанности — базовые (они же универсальные, прирожденные, неотъемлемые, личные), а также политические, экономические, социальные, культурные, экологические и т.д. Гражданская активность связана с универсальными правами и свободами, включая право всеми способами, не запрещенными законом, защищать свои права и свободы, т.е. возможность реализовывать основные и общепризнанные права. Отсюда необходимость различать сферу активности индивидов, которые являются гражданами в той мере, в какой они наделены гражданским статусом, и гражданское общество, как институциональный, нормативно-ценностный социетальный порядок, который делает возможной собственно гражданскую активность.

Таким образом, универсализация порядка является либо функцией всепроникающей власти, либо обеспечивается в результате активности граждан, которые облачают своим доверием властные институты, чтобы определять и реализовывать коллективные цели, т.е. политические интересы.

Утверждение правового и демократического, справедливого и эффективного, динамичного и устойчивого общественного порядка проходит через свободное и легальное гражданское действие, легитимирующее политическую власть и политическое изменение.

В России гражданское общество еще не конституировалось окончательно. Налицо дефицит адекватных условий для развития главной компоненты гражданина — взаимного признания и учета каждым индивидом интересов другого, как равного и достойного уважения человеческого существа, обладающего таким же гражданским статусом. Именно равенство лежит в основе современного гражданского общества как отсутствие какой бы то ни было дискриминации по экономическому, социальному, политическому, религиозному, этническому или любому другому основанию.

Типы общественной организации и феномен клики

Почему признанные многими масштабные изменения в России не привели к серьезным сдвигам в плане формирования гражданского общества, гражданского сознания и гражданской идентичности?

Российские реформаторы, воздействуя на макроуровень социальной системы, в том числе с помощью импортированных извне институтов, длительное время не замечали проблемы влияния изменившихся структурных свойств системы на ее микроуровне. Они рассматривали и продолжают рассматривать среду повседневности как изначально предрасположенную к желаемому восприятию реформаторских, а теперь и модернизационных, импульсов. Между тем, согласно Э. Гидденсу, следует различать социальную и

системную интеграции, т.е. «упорядоченные связи, взаимообмены или просто взаимность практик»: «Социальная интеграция предполагает системность на личном уровне, в ситуации соприсутствия или взаимодействия лицом к лицу. Системная же интеграция относится к взаимодействию с теми, кто отсутствует физически во времени или в пространстве. Механизмы системной интеграции, несомненно, включают в себя механизмы социальной интеграции, однако последние отличаются по ряду ключевых параметров от тех, что вовлечены в процессы взаимодействия на личном уровне (в условиях соприсутствия)»¹⁸.

Конкретизируя такое понимание, А.Д. Хлопин отмечает, что социальная интеграция основана на личном взаимопонимании и доверии, возникающем в микросреде, образованной сетью из устойчивых связей и отношений типа «лицом к лицу», которые регулируются нормами взаимности в признании прав и исполнении обязанностей между родственниками, друзьями, хорошо знакомыми людьми, реже — соседями. Доверительные отношения, воспроизводящиеся по правилам специфической реципрокности, исключающей нарушение моральных правил, принятых в сети «своих» людей, структурируют их микропрактики в режиме саморегуляции.

Многочисленные социологические исследования подтверждают преобладание именно этого типа интеграции в России, что, однако, интерпретируется как переходный, кризисный и т.п. социум. «Отличительной чертой россиян является и более частый выбор идентификаций с местным сообществом, — пишет Е.Н. Данилова по итогам сравнительного исследования «Россия — Польша». — Локальная идентификация является одной из самых распространенной. В Я-идентификациях она уступает российско-гражданской и этнической принадлежности... однако в Мы-идентификациях — чувства близости к “землякам” даже несколько опережают по распространенности чувства принадлежности к “россиянам”... Для русских важен расширенный микромир (семья, товарищи по работе, коллеги, близкие по духу, сверстники), своя национальная общность, своя “малая родина”, а также и государство»¹⁹.

Другой тип интеграции — социетальная интеграция — возникает «в процессе политической самоорганизации сегментов социума на основе ценностей и норм, которые не только регулируют координацию сотрудничества и конфликта между различными микросредами, но и поддерживают их автономию в рамках макропорядка, повсеместно признанного легитимным. Симметрия в признании прав и обязанностей гражданина легитимирована формальным равенством перед законом, гарантированным социетальными институтами власти (государством), и безразлична по отношению к личности, как тех, кто применяет эту норму, так и тех, к кому она применяется»²⁰.

В России локальность социального доверия сочетается с дефицитом легитимности институционального порядка. Наличие проблемы легитимации макросоциальной реальности указывает на ограниченность и фрагментарность институционализации социального порядка, нуждающегося в универсализации. Различие типов интеграции объясняет, на наш взгляд, и разное отношение россиян к проблеме морали, которое складывается в двух плоскостях. «Применительно к тому, что происходит в обществе в целом, — это выраженный критический настрой и пессимизм, ощущение моральной деградации, потери обществом духовности и морально-нравственной опоры, — пишут авторы фундаментального доклада, охватившего весь период российской трансформации. — Применительно же к собственной жизни и ближайшему окружению восприятие ситуации заметно спокойнее, моральность собственная и ближнего круга как бы выводятся из-под негативного влияния реформ»²¹.

Это ощущение деградации побуждает людей к требованию «навести порядок». Нам кажется очевидным, что беспорядок есть не что иное, как разрыв между макро- и микроуровнями общественной жизни. Этот разрыв нельзя преодолеть, умножая упорядоченные внутри себя микросреды, включая среду носителей власти; их совокупность не тождественна макропорядку.

Самодеятельность россиян имеет тенденцию порождать в качестве базовой формы самоорганизации общности, конституированные из неформальных связей. Они оказываются основными, хотя и латентными, трудно выявляемыми элементами российской социальной структуры. При этом социальная интеграция внутри микросред сочетается с социетальной дезинтеграцией макросреды. «Классической» альтернативе «самоорганизующееся гражданское общество или жестко контролируемая властью социальная система» противостоит тенденция к воспроизводству особого типа общественной организации — «социума клик»²². Кликами в социологии именуются любые неформальные сообщества, функционирующие за пределами и (или) внутри социальных институтов, а также интегрирующие частных лиц, независимо от занимаемых ими официальных постов, в круг «своих» людей, готовых ради «общего дела» пренебречь моральными и юридическими законами²³. Такие клики могут успешно функционировать как в рамках формальных институтов, так и параллельно им, поскольку выполняют функции посредника между государством и частной сферой жизни, а также между чиновниками и частным бизнесом. Сообщества «своих» главным образом преследуют собственные цели, независимо от связей с формальными институтами. В конце 2011 г. две трети населения считали, что интересы власти и подвластного общества в России не совпадают, потому что их цели всегда различны, и первые живут

за счет вторых и вынуждены их обманывать, обратная связь между «верхами» и населением отсутствует²⁴.

Деятельность индивидов в рамках этих общностей определяют не нормативные представления отдельных участников или их принадлежность к какой-то социальной группе (например, возрастной), а структура их личных связей и отношений. Наиболее очевидными примерами являются коррупционные сообщества, квазигражданские организации и теневые структуры. Сообщества «своих» могут формироваться и на базе возраста, пола, расы и этноса.

Социум клик не может быть пространством для развертывания собственно политических позиций, предполагающих согласование, «увязывание» социальных идентичностей. В нем проблематично формирование любых политических образований, например, партий, движений и идейных течений. Процесс политического согласования заменяется иными, прежде всего, силовыми, административными процессами, которые, в свою очередь, затрудняют попытки формирования, структурирования и институционализации политического пространства. По данным упомянутого выше опроса 2011 г., 67% респондентов не чувствуют себя защищенными от возможного произвола со стороны властей, силовых и прочих государственных структур, 85% (!) согласны с тем, что многие государственные чиновники практически не подчиняются законам и что большинство политиков занимается политической деятельностью только ради личной выгоды, 82% считают, что не могут повлиять на политические процессы в России и только 25% полагают, что могут отстоять свои интересы или права в случае их нарушения. По мнению половины (51%) респондентов Левада-центра, в стране в ближайшие 6 лет будет преобладать скорее спокойная обстановка, тогда как треть (34%) считает, что впереди — атмосфера страха, напряженности, подозрительности, оставшиеся 16% не готовы дать оценку²⁵. Формировать идентичность по отношению к социуму, который воспринимается подобным образом, не у всех есть достаточные основания.

«Лишние люди» на пути к гражданственности

Многие социологические исследования последнего времени показывают усиление государственной или национальной идентичности населения различных областей и республик России, но не фиксируют сколько-нибудь заметного роста идентичности гражданской, констатирует М.Б. Хомяков. И предостерегает: «Если развитие именно такой гражданской общности не станет целью сознательно проводимой политики, Россия рискует превратиться в зону перманентного конфликта идентичностей»²⁶.

Перспективы все еще слабых процессов политической дифференциации связаны со способностью людей к политической самоиден-

тификации, что невозможно без возникновения современных партий и движений, реально представляющих различные интересы, и формирования самостоятельной сферы согласования этих интересов. Отсутствие этих предпосылок приводит к воспроизводству кликового социума. Расхождения по вопросу об отношении к действующей власти остаются «структурообразующими», и именно сквозь их призму оцениваются общественные практики. Российское политическое устройство в данном контексте не соответствует модели современного политического порядка, в частности, не выдерживает проверки по современным критериям легитимности, и может быть охарактеризовано как кликократия. Политическое пространство, присущее обществам современного типа, в сегодняшней России отсутствует и замещается властным пространством, кликократическим по своей структуре и содержанию взаимодействий.

Нахождение в кликовых структурах не способствует формированию более-менее устойчивой идентичности, поскольку ресурсы противостояния окружающему «враждебному» миру заведомо ограничены и требуют постоянного восстановления. Между тем, «у россиян существует потребность в общегражданской идентичности, основанной на доверии граждан и государства»²⁷. Возникает феномен «лишних людей», которые в условиях частичной закрытости кликового порядка не в состоянии войти в клики, либо, напротив, не могут в них оставаться, в том числе по морально-психологическим, идейным и даже антропологическим основаниям. Некоторые наблюдения показывают, что именно такого рода категория граждан оказывается среди активной части носителей протестных настроений, которые готовы к реализации и реализуют практики гражданственности на принципах свободы, равенства и доверия, справедливости и честности. На этой основе возможно преодоление кликовой структуры и кликократического порядка, формирование открытого публичного пространства для проведения современной политики²⁸. Таков, как представляется, исторический и модернизационный смысл общественных событий и тенденций последнего времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Миненков Г.Я. Концепт идентичности: перспективы определения. – URL: <http://guralyuk.livejournal.com/547306.html>

² Идентичность: Хрестоматия / сост. Л.Б. Шнейдер. – М.; Воронеж, 2003. – С. 4.

³ Психологи Н.М. Лебедева и А.Н. Татарко развивают тезис о включенности «гражданской идентичности» в состав социального капитала, который до сих пор большинством исследователей определяется как ресурс социального взаимодействия на основе норм реципрокности и доверия, а также опыта участия в

добровольных ассоциациях. Определения понятия «гражданская идентичность», кроме как с помощью метафоры «социального клея», скрепляющего детали «социального механизма», и отсылки к «чувству национальной гордости и патриотизма» почему-то китайцев (!), мы не найдем, хотя авторы успешно описывают «две важные характеристики – определенность (степень определенности, ясности, оформленности) и валентность (степень позитивности-негативности)» (Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Ценности культуры и развитие общества. – М., 2007. – С. 177 – 178). Год спустя выясняется, что «позитивная гражданская идентичность» – не дополнительный элемент концепта, но уже «главный компонент социального капитала общества» (Татарко А.Н., Лебедева Н.М. Функциональная роль гражданской идентичности в структуре социального капитала // Идентичность и организация в меняющемся мире / под ред. Н.М. Лебедевой, Н.Л. Ивановой, В.А. Штроо. – М., 2008. – С. 22). Читателю сообщают также, что «рост благосостояния», «удовлетворенность материальным положением», «политическая активность» и «позитивное отношение к действующим политикам» (об этом см. дальше) характеризуют «силу гражданской идентичности», а дополненные «субъективным экономическим статусом», «прогнозом роста благосостояния в будущем» и «экономической самостоятельностью» определяют «позитивность гражданской идентичности» (Там же. – С. 22 – 23). Смысл и содержание гражданской идентичности так и остались сокрытыми завесой из «частоты связей» и «уровней значимости».

⁴ См.: Дробизева Л.М. Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / отв. ред. В.С. Магун. – М., 2006. – С. 12 – 14.

⁵ Иванова Н.Л., Мазилова Г.Б. Гражданская идентичность в различных социально-экономических условиях // Идентичность и организация в меняющемся мире. – С. 45.

⁶ См.: Политическая идентичность и политика идентичности. В 2 т. Т. 1. Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий / отв. ред. И.С. Семененко. – М., 2012. – С. 77 – 79.

⁷ См.: Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка / под ред. С.В. Патрушева. – М., 2011. – С. 42 – 51.

⁸ См.: Политическая идентичность и политика идентичности. Т. 1. – С. 78.

⁹ Развернутое исследование исторического процесса формирования феномена гражданина содержится в работах екатеринбургского политолога и философа И.Б. Фан (См.: От героя до статиста: метаморфозы западноевропейского гражданина. – Екатеринбург, 2006; Политический театр эпохи буржуазных революций: рождение гражданина // ОНС (Общественные науки и современность). 2007. № 5. – С. 75 – 86; Фан И.Б. Модель западноевропейского гражданина позднего средневековья // Известия Уральского государственного университета. 2007. № 54. Сер. 3: Общественные науки. Вып. 4. – С. 30 – 46; Модель гражданина Модерна: время дифференциации и транснационализации // Политическая наука / Сб. науч. тр. – М., 2010. № 1; Формирование государства в условиях этно-культурной разнородности / ред.-сост.: Е.Ю. Мелешкина, А.И. Миллер. – М., 2010. – С. 173 – 191.

¹⁰ См.: Иванова Н.Л., Мазилова Г.Б. Гражданская идентичность в различных социально-экономических условиях. – С. 50 – 51.

¹¹ См.: *Дробизьева Л.М.* Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность. – С. 13.

¹² См.: *Иванова Н.Л., Мазилова Г.Б.* Гражданская идентичность в различных социально-экономических условиях. – С. 53 – 54.

¹³ *Данилова Е.Н.* Гражданские и этнические идентификации в России и Польше // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / отв. ред. В.С. Магун. – М., 2006. – С. 75.

¹⁴ См.: *Хомяков М.Б.* Идентичность, толерантность и идея гражданства // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России. – С. 49.

¹⁵ *Weinstock D.M.* Citizenship and Pluralism // R.L. Simon (ed.). The Blackwell Guide to Social and Political Philosophy. Blackwell, Malden, Mass.; Oxford, 2002.

¹⁶ *Weinstock D.M.* Citizenship and Pluralism. – Р. 244 (цит. по: *Хомяков М.Б.* Идентичность, толерантность и идея гражданства. – С. 50).

¹⁷ *Патрушев С.В.* Гражданская активность: институциональный подход (перспективы исследования) // Полис. 2009. № 6; см. также: Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка / под ред. С.В. Патрушева. – М., 2011.

¹⁸ *Гидденс Э.* Устроение общества: Очерк теории структуризации. – М., 2005. – С. 73.

¹⁹ *Данилова Е.Н.* Гражданские и этнические идентификации в России и Польше. – С. 75, 80, 83.

²⁰ Повседневные практики и процессы институциональной трансформации в России. – М., 2002. – С. 12 – 13.

²¹ См.: Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров). Аналитический доклад. – М., 2011. – С. 231.

²² См.: *Хлопин А.Д.* Гражданское общество или социум клик: российская дилемма // Полития. 1997. № 1 (3).

²³ См.: *Патрушев С.В., Хлопин А.Д.* Социокультурный раскол и проблемы политической трансформации России // Россия реформирующаяся. Ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. Вып. 6. – М., 2007.

²⁴ Левада-Центр. О правах человека, интересах власти и общества в России. – URL: <http://www.levada.ru/17-11-2011/o-pravakh-cheloveka-interesakh-vlasti-i-obshchestva-v-rossii> Опрос проведен 3 – 19 октября 2011 г. по всероссийской выборке городского и сельского населения среди 1520 человек в возрасте 18 лет и старше в 130 населенных пунктах 45 регионов страны.

²⁵ Левада-центр. Пресс-выпуск. Россия в ближайшие шесть лет. – URL: <http://www.levada.ru/16-05-2012/rossiya-v-blizhaishie-shest-let>. Опрос был проведен 20 – 23 апреля 2012 г. по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения среди 1601 человека в возрасте 18 лет и старше в 130 населенных пунктах 45 регионов страны.

²⁶ *Хомяков М.Б.* Идентичность, толерантность и идея гражданства. – С. 56.

²⁷ *Данилова Е.Н.* Гражданские и этнические идентификации в России и Польше. – С. 97.

²⁸ См. подробнее: *Павлова Т.В., Патрушев С.В., Филиппова Л.Е.* Гражданское и политическое в российских общественных практиках: перспектива институциональной дифференциации // Вестник Института социологии. 2012. № 4. – URL: www.vestnik.isras.ru